

«Красной Москвой» пахнет

В рамках фестиваля NET на сцене «Под крышей» Театра им. Моссовета состоялась премьера самого необычного спектакля, какой играли тут за долгие годы. В этом спектакле вообще нет артистов. Есть просто люди — пожилые жители России. Театральное действие, инициатором которого выступил Французский культурный центр, соткано из их биографий, их воспоминаний, из маленьких историй большой страны, которые сами собой складываются в леденящую душу Историю.

МАРИНА ДАВЫДОВА

Московская версия спектакля с простым названием «Я думаю о вас» — двадцатая по счету. Французский режиссер Дидье Руис придумал свой проект около десяти лет тому назад и с тех пор успел объехать немало городов. В разное время в разных местах он собирал пожилых людей и просил их поделиться воспоминаниями. Он не ограничивал своих избранных темой. Не задавал их памяти вектор. Он исходил из того, что рассказанные искренне и просто их истории в конце концов сами собой обретут какую-то целостность и пока еще неведомый смысл.

Собственно, именно этим его сценический эксперимент принципиально отличается от иных образцов документального театра, в которых очень любят задействовать стариков. Там оформительские усилия постановщика доминируют, преобладают, бросаются в глаза. Таким был недавно приезжавший в Москву спектакль польского режиссера Яна Кляты «Трансфер». На сцене вместе с профессиональными артистами присутствовали носители жизненного опыта — пенсионеры из Польши и Германии. Но вектор их воспоминаниям был задан ясно — конец Второй мировой войны, очередной передел Европы, миграция немцев и поляков с насиженных мест. Спектакль Кляты был типичным (хоть и не самым

увлекательным) образцом политического театра. Театр Дидье Руиса — лирический.

Он репетировал свой опус в Доме ветеранов сцены (спектакль вышел при поддержке СТД РФ), и в состав участников поначалу естественным образом вошли пожилые служители театра (гардеробщики, лифтеры), а также их родственники. Но этим кругом Руис не ограничился. Более того, намеренно разорвал этот круг. Он собирал участников своего спектакля с борю по сосенке.

Одиннадцать человек, которые выходят к нам из-за кулис, не объединены ни общей профессией, ни общими религиозными убеждениями, ни даже общим хобби (помнится, в «Мнемопарке» знаменитой немецкой группы «Римини протокол» принимали участие швейцарские пенсионеры, коллекционирующие маленькие детские железные дороги: забавный спектакль объехал все фестивали Европы и стал подлинным хитом). Участники проекта Руиса — просто люди. И темы французский режиссер задает им самые общие, объединяющие всех жителей планеты. Вспомните свое первое сильное вкусовое ощущение. Первый запах. Первую любовь. Вспомните колыбельную, которую вам пели. Вспомните своих родителей. Участники дисциплинированно вспоминают. Как пахнет «Красной Москвой» мамино платье. Как пах-

нет навоз... Как пахнут полевые цветы, мимо которых едут из эвакуации. И нигде никогда за этой сугубо прустовской интонацией не вставало ощущение жуткого, страшного времени, из которого родом все эти пожилые на свете люди. В России оно рождается само собой. Без видимых усилий постановщика,

*Сидишь и думаешь:
как же так
случилось,
что в страшной
стране живут
такие чудесные
люди?*

вопреки его усилиям. Усилия тут минимальны, и именно оттого явственней и страшнее становится саморежиссура Истории. Ни в Бразилии, ни во Франции, ни в Англии, ни в Индии воспоминания восьмидесятилетних людей о своих усопших родителях и первых запахах не сложились бы в такую цельную, будоражающую душу эпопею. Запахи «Красной Москвы» и красной России — это терпкие запахи.

«Мы увидели в конце перрона старика с мешком за спиной, едва передвигающего ноги. Это был мой отец...» Надо ли объяснять, что отец вернулся из мест не столь отдаленных, где год идет за пять.

«В эту ночь я впервые увидела свою мать плачущей». Надо ли объяснять, что такое «десять лет без права переписки».

«У меня была очень красивая сестра, у нее были фантастические косы, когда она работала в госпитале, все раненные ухаживали за ней...» Мужа сестры вызовут потом в соответствующие органы и потребуют отречься от своего арестованного тестя, отца жены. Он откажется. И будет расстрелян.

И так у всех. У всех без исключения — далеких, не знакомых друг с другом, случайно оказавшихся рядом стариков. Нищета, страх, потеря дорогих людей, сиротство, коммунальный быт, аресты, аресты... Где еще безжалостный монстр Государство так питалось собственными гражданами, перемалывая их своими челюстями? Где еще побывавшие в пасти этого Левиафана сохраняют такие просветленные лица? Они ведь не жалуются — совсем нет. Просто вспоминают. Им есть что вспомнить.

Сидишь и думаешь: боже мой, ну как же так случилось, что в страшной стране живут такие чудесные люди? Откуда они взялись? Оттуда и взялись. Вся эта скверна должна была уравновешиваться, искупаться каким-то светом, человеческой надежностью, верой, любовью... Чем страшнее испытания, тем выше стоицизм. Хорошим людям в этой стране пришлось быть очень хорошими. Мужественным — очень мужественными. Терпеливым — очень терпеливыми. Добрым — очень добрыми. Это страшный и великий закон компенсации. Кажется, Дидье Руис поставил свой спектакль, чтобы мы вдруг поняли этот закон.